

Е. А. Кузьминова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, доктор филологических наук, доцент (119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, филологический факультет; тел.: (8495) 939-53-29; rkiff@philol.msu.ru)

**ОПЫТ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ
В «ГРАММАТИКЕ БЕСЕДОСЛОВНОЙ»
ИВАНА ИКОННИКА (1733 г.)**

Статья посвящена основным направлениям кодификации синтаксической нормы в рукописной грамматике Ивана Иконника (1733 г.). Трактуя синтаксис как инструмент анализа и как инструмент синтеза, И. Иконник в качестве основной выдвигает проблему сочетаемости частей речи в соответствии с их грамматическим значением. В своей грамматике он кодифицирует компоненты синтаксических связей и параметры их сочетаемости и представляет систему заданий, направленных на овладение этими нормами.

славяно-русская грамматическая традиция; языковая норма; синтаксис; кодификация

Целостное синтаксическое учение (теория синтаксических связей, теория предложения и его членов) в ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. разработано не было, не была проведена и последовательная синтаксическая кодификация. В грамматиках церковнославянского языка этого времени часть «Синтаксис» либо отсутствует вообще, как, например, в грамматике Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска совершенного искусства осми частей слова и иных нуждных» (Вильно, 1596 г.), либо представляет собой краткое приложение к морфологии («Этимологии»), во многом повторяющее ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого «Грамматики Славенския привилное синтагма» (Евье, 1619 г.). В рукописных грамматических трактатах XVI–XVII вв. термин синтаксис использовался для обозначения совершенно иных явлений – графико-орфографических. Синтаксисом называли либо знак переноса, «соединения», который «указует соединяти речь разделеную на две строки» («Начало книзе глаголемей грамматика», «Грамматичесество», «О еже како просодия достоит писати и глаголати»¹); либо диакритику в целом, все надстрочные знаки, ср. «пишут их в Божественных писаниях верху букв, а зовется верхняя сила, а по гречески синтаксис» (статья «Еще суть и ины буквы»²).

Отсутствие в ранних славянских грамматических сочинениях синтаксического учения непосредственно обусловлено положением дел в античной и ранней послеантичной грамматической науке, достижения и вместе с тем ограниченность которой были унаследованы лингвистической мыслью славян.

¹ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 747–748, 995.

² Там же. С. 692.

В античности не были выработаны некоторые ключевые лингвистические понятия, требующие обобщающего и объединяющего подхода к языковым явлениям, в частности, понятие о языке как о целостном объекте. Не было сформировано в античной грамматике и учение о предложении как о лингвистической единице, принадлежащей качественно иному уровню, нежели лексический¹. По представлениям античных авторов, «строение слова, его сочетаемость с другими словами отражают строение вещи (или представления) и отношения между вещами в реальном мире (или человеческом мышлении), зависят только от значения слова и ни в коей мере от строения языка как целого. Язык – не система, а агрегат...»².

Более продвинутый этап синтаксических изысканий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в грамматической традиции XVI–XVII вв., получил отражение в рукописном трактате «Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г.³ (далее **ГИ**). Это грамматическое руководство было создано как своего рода *учебно-методическое пособие*, призванное сформировать процедуры овладения языком как «грамматикой», т.е. как системой алгоритмических правил, и оптимизировать освоение существующих грамматик церковнославянского языка⁴.

Иван Иконник вынужден с сожалением констатировать, что грамматики, используемые «при школах», т.е. грамматика Мелетия Смотрицкого и ее сокращенная переработка «Грамматика славенская в кратце собранная» Федора Максимова (СПб., 1723), не соответствуют основному принципу лингводидактики – принципу *доступности* (или *посильности*)⁵. Их теоретический и языковой материал является непосильным для учащихся, «приступ» к его «постижению... бывает не удобен: что како, и чего ради оно положися, темно. Отнюду же аще что и осязает [ученики], но далече суть подобающего стоят» (л. 37). По замыслу И. Иконника, его пособие не заменяет существующие грамматики, а дополняет их, помогает их освоить и эффективно использовать при изучении церковнославянского языка: «за приступ оных грамматик и за руководящее сих аз по силе моей пред очесы учащихся предлагаю» (л. 37).

Однако исходная установка на ясное, доступное и детальное истолкование, «яснейшее изъяснение» правил и предписаний М. Смотрицкого и Ф. Максимова была реализована лишь в первых трех частях **ГИ** – орфографии, этимологии и просодии. В синтаксической же части своей грамматики И. Иконник отступает от образцов и моделей, заданных предшественниками, и представляет результаты собственных лингвистических штудий.

В своих изысканиях он исходит из теологической концепции грамматики, получившей развернутое обоснование в предисловии к московскому изданию

¹ Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск: Изд-во университетское, 1984. С. 100–102.

² Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 23.

³ Собр. рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», № 213, 8°, 221 л.

⁴ Кузьминова Е. А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника как синтез славянской грамматической традиции // Библиотекословесие. 2011. № 4. С. 56–61; Кузьминова Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 271–447.

⁵ Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. С. 230.

грамматики М. Смотрицкого 1648 г. (л. 1–40)¹. Трактую грамматику как разновидность богословия, «дверь разума, еюже в полату Священного Писания входящие дражайшие бисеры и камни дарования божия чудно обретают» (л. 3), И. Иконник отводит в ней главенствующую роль именно синтаксису. Синтаксис в **ГИ** выступает одновременно и как *инструмент синтеза*, владение которым позволяет породить «слово», т.е. предложение, соответствующее постулируемой норме: «сия бо часть <...> вся части яко злато, серебро и прочая разсыпанная, во едино должное собирая, благолепно и премудро, из речений слово составляет» (л. 153 об.–154), и как *инструмент анализа*, средство постижения Богооткровенной истины, заложенной в библейских и литургических текстах: «сия бо синтаксия вины ради во еже слово составлять, в божественном писании разум сокровен из глубины извлекает, и своим действием аки ключом, некия ковчеги, исполнь сущи драгих камней и злата, отверзает» (л. 155 об.).

В синтаксисе как *учении «о сочинении слова»* (л. 153 об.) И. Иконник в качестве основной выдвигает проблему «согласованности», т.е. сочетаемости «частий слова» в соответствии с их грамматическим значением: «нужнейшее к ведению <...> всех правил согласие собрании слове речений zde изяснити потщасомся» (л. 156 об.). Приоритет правил «о согласиих» над остальной синтаксической проблематикой обусловлен тем, что именно в их нарушении И. Иконник усматривает причину множества ошибок, зафиксированных им в «безчисленных стихах» (л. 168 об.) богослужебных текстов.

И. Иконник кодифицирует три «образа согласия»: а) прилагательного с существительным, б) относительного («возносительного») местоимения иже с существительным, в) подлежащего со сказуемым («именительна со глаголом»). Нормирование каждой синтаксической связи в **ГИ** включает регламентацию компонентов связи и параметров их согласования – признаков, по которым осуществляется согласование/координация. Декларативное представление синтаксической нормы сопровождается демонстрацией нормативных элементов – языковым примером и его истолкованием:

компоненты связи	параметры согласования	пример
«существительна имене с прилагательным»	«в роде, числе и падежи»	«труд повредный»
«возносительнаго с предидущим»	«в роде и числе»	«Петр, иже камень веры»
«именительна со глаголом»	«в роде, числе и лице»	«Павел благовествует»

Ср., в частности, представление «согласия» «именительна со глаголом»: «Кое есть третие согласие; Именительна со глаголов. Именительный со глаголом в чем согласие имат. В трех: в роде, числе и лице. Павел благовествует. Кое есть есть сие согласие. Именительна со глаголом. Кий именительный. Павел. Чего ради; Яко существо вещи нарицает. Кий есть глагол; Благовествует. Чего ради; Яко токмо тоя вещи еиже привязуется деиство изьявляет. Благолепно ли сие согласие: Павел благовествует; И зело изрядно. Почто; Понеже, Павел рода мужеска, числа единственна, лица третияго: и глагол сеи, благовествует, подобне рода мужеска, числа единственна, лица третияго. Темже благо есть» (л. 167–167 об.).

¹ Кузьмина Е. А. «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 64–73; Кузьмина Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 113–137.

Кодифицируя параметры согласования существительного с «возносителем» местоимением, И. Иконник обращает особое внимание на недопустимость согласования относительного местоимения с определяемым существительным по падежу: «Для чево его глаголеши токмо в двух предидушу согласовати: се есть, в роде и числе, ибо зде видится яко и в падежи согласовати оному может. Малым некако прилучаем по слову, но в техжде паки может и иным падежем оному возноситься» (л. 166 об.). Конструкция с относительным местоимением, согласованным с определяемым словом главной части не только по роду и числу, но и по падежу, является гречизмом, нарушающим славянскую модель управления глагола. И. Иконник регламентирует синтаксическую норму, согласно которой падежная форма местоимения зависит от модели управления сказуемого придаточного предложения, демонстрируя ее на примере изменения «согласия» *«Петр, иже»* в рамках вероучительных текстов (л. 166 об.):

Петр, иже камень веры.

Петр, егоже проповедь во шодеех бысть.

Петр, емуже Господь даде ключа царствия.

Петр, егоже Христос ублажи.

Петр, имже исповедание бысть.

Петр, о немже нам есть слово.

Нарушение синтаксических норм «согласия» приводит к ошибкам в библейских и богослужебных текстах, чреватым искажением их высшего сакрального смысла, Богодухновенной истины. Координируя систему кодифицированных в **ГИ** норм и императивные конфессиональные тексты, И. Иконник инкорпорирует в правила «о согласии» образцы проведенной им «справы» таких «погрешительных» форм. Так, в 8-м ирмосе песни гласа 6-го «Канона покаянного ко Господу Нашему Иисусу Христу» он признает ненормативными формы *источи* и *попали* в грамматической позиции 2 л. ед.ч., как нарушающие «согласие» по лицу. Данные формы простых претеритов И. Иконник квалифицирует как формы 3 л. ед.ч. (а не 2 л.), в то время как нормативной формой 2 л. ед.ч. он считает только перфект со связкой – *источил еси, попалил еси*: «Знаменательно ти буди, яко в сем ирмосе глаголом, *источи, попали*, погрешительным быти, понеже творец сего ирмоса не третьему но ко второму лисцу обратив стих <...> Тем оным зде третьем лицом быти зде и не пристойт: но вторым яко во образ самыи стих полагаем, иже по справе сице быти надлежит: Из пламене святым росу *источил еси*, а праведнаго жертвы и воды *попалил еси*: Вся бо твориши Христе елико хоцещи. Тем ты превозносим Господа во веки» (л. 162–162 об.).

Заполнение грамматической позиции 2 л. ед.ч. формами перфекта обусловлено стремлением устранить омонимию форм 2 и 3 л. ед.ч., присущую церковнославянскому аористу и имперфекту, и дать более точное соответствие греческому образцу: в греческом языке 2 и 3 л. ед.ч. во всех прошедших временах противопоставлены. В первой половине XVI в. такую правку глагольных форм проводил Максим Грек со своими помощниками. В переводе Толковой Псалтыри в 1519–1522 гг. они регулярно употребляют во 2 л. ед.ч. перфектную форму там, где в предшествующих текстах употреблялась форма аориста¹.

¹ Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь: сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в. // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. С. 107–108.

В грамматиках церковнославянского языка при комплектовании парадигм прошедших времен формами аориста и имперфекта позиция 2 л. ед.ч. также заполняется формами перфекта (ср., грамматика Л. Зизания – л. 57, грамматика М. Смотрицкого – л. 125–126, 146–146 и др.).

Предложенные в исправленном И. Иконником ирмосе формы перфекта со связкой *источил еси, попалил еси* соответствуют норме, кодифицированной готовившим третье издание грамматики М. Смотрицкого 1721 г. Федором Поликарповым, который ввел в позицию 2 л. ед.ч. парадигм всех прошедших времен глагол-связку *еси: чел еси* (л. 116 об.), *творил еси* (л. 139 об.), *был еси* (л. 156 об.) и т.п.

Проводя кодификацию синтаксических норм, И. Иконник не ограничивается их декларативным и процедурным представлением. Руководствуясь дидактическими целями, он предлагает в своей грамматике систему заданий, направленных на овладение этими нормами. Учащиеся должны установить и исправить ошибки в «согласии» глаголов и относительных местоимений в Каноне Великой Субботы и в библейских текстах: «Ты сильных *ссече* державу Благий; Биен *бысть*, но не *разделися* слове, еяже причастися плоти; Ты бо Спасе *положися* во гробе»; «Во гробе *еже* ископах аз, ту погребеши [Быт. 50: 5]»; «И будет яко древо сажено при исходящих вод, *иже* даст плод свои во время свое [Пс. 1: 3]» и др. «В сих и прочих <...> словесех, учащуся согласие доброе и другая сочинения подобает прилежно испытывать» (л. 168–168 об.).

Синтаксис, выступающий как *инструмент анализа* текста, нацелен на «обретение в слове лежащего разума», т.е. его «знаменования» (л. 169). Поскольку в своих синтаксических изысканиях И. Иконник исходит из традиционного атомистического понимания предложения как «сочинения» «восьми частей слова», смысловые отношения, выраженные предложением, заключены для него в отдельных формах слов. Установлению «знаменования» падежных форм в конфессиональных текстах И. Иконник посвящает вторую часть синтаксического раздела своей грамматики (л. 169–170 об.). Ср., например: «На всяку ночь постелю мою омочю [Пс. 6: 7]. Ночь: Кий падежь есть; Винительный. По качеству каковыи винительный; Время знаменающий». При этом в большинстве случаев определение семантики падежной формы подменяется им определением семантики высказывания. Ср., например: «Якоже желает елень на источники водныя [Пс. 41: 2]. Источники: Кий падежь есть; Винительный. Что знаменует; Уподобление».

Несмотря на то что синтаксическая норма церковнославянского языка была кодифицирована И. Иконником лишь фрагментарно, а его изыскания в области структурного и семантического синтаксиса не сложились в целостную концепцию, сам факт разработки данных проблем представляет несомненную ценность. Грамматика И. Иконника подтверждает мысль о том, что значение любого лингвистического описания определяется не только зафиксированной в нем нормой, которая исторически изменчива, но и реализованной в нем лингвистической рефлексией, мыслью о языке, поскольку «представления носителей языка о том, каким должен быть язык, имеют первостепенное значение для истории литературного языка – они дают ключ к интерпретации языкового материала»¹.

¹ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 9.

Библиографический список:

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
2. Ковтун Л. С., Сеницына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь: сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в. // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М.: Наука, 1973.
3. Кузьминова Е. А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника как синтез славянской грамматической традиции // Библиотекосведение. 2011. № 4.
4. Кузьминова Е. А. «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3.
5. Кузьминова Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012.
6. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. Супруна А. Е. Минск: Изд-во университетское, 1984.
7. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
8. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008.
9. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.